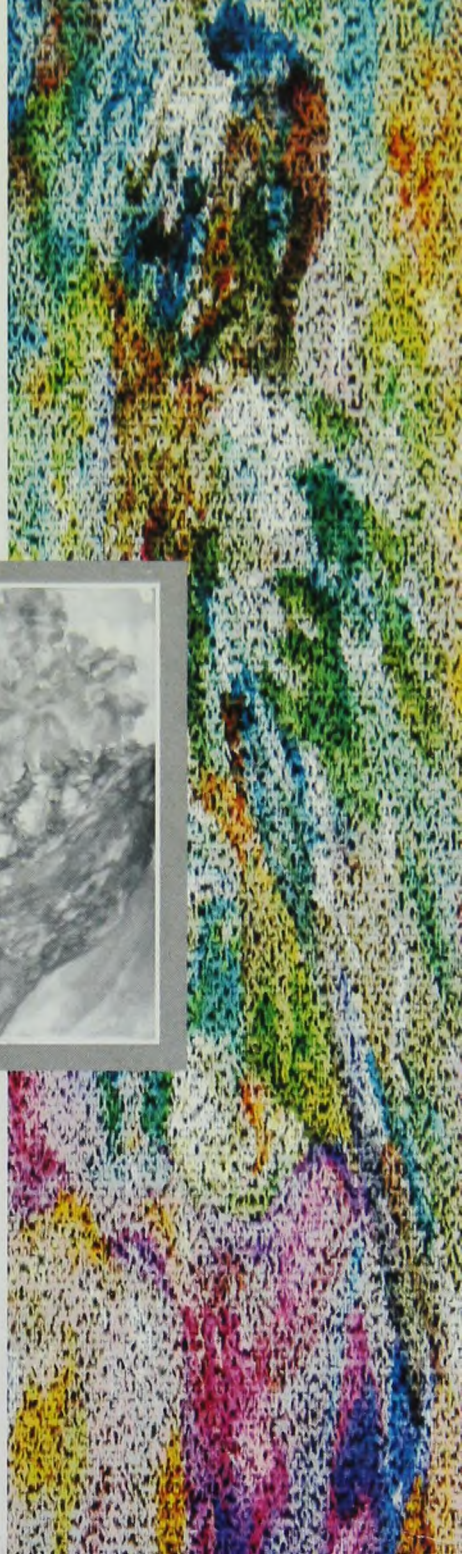

84 (2Рос=Рус)
К МБД

ЛЮБОВЬ МИЛЯЕВА

ТРИДЦАТЬ
СЕМЬ

ЛЮБОВЬ МИЛЯЕВА

ХАНТЫ-МАНСКИЙ

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ

- 0139 897 -

Государственная
библиотека
Югры

МП

ББК 84 (2Рос=Рус)

М 12

М 12 Любовь Миляева

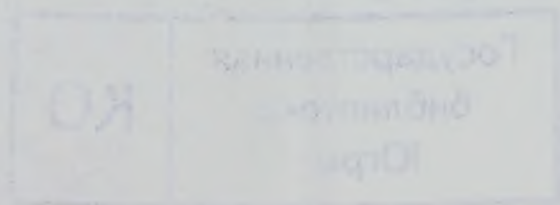
Тридцать семь. Стихи, проза. – Ханты-Мансийск: ОАО
«Информационно-издательский центр», 2010. – 70 с.

Книга «Тридцать семь» названа по возрасту автора, и включает в себя тридцать семь произведений разных лет.

Издание предназначено для взрослой совершеннолетней читательской аудитории.

ISBN 978-5-98143-136-4

© Л. Миляева, 2008

Дочь Урала и человек Севера...

Название книги «Тридцать семь» символично. Во-первых, автору тридцать семь лет – возраст взросления, возраст переосмысления... Во-вторых, дата рождения автора седьмое марта – цифры 7 и 3. А 37 – это своеобразное зеркальное отражение даты рождения. Таким образом, название книги «Тридцать семь» пропитано глубоким символическим смыслом.

Символично и то, что именно я пишу вступительную статью к данной книге. Будучи старейшим деятелем художественной литературы на земле Югры (член Союза писателей СССР с 1962 года), я обладаю значительным опытом для того, чтобы объективно определить масштаб поэта и оценить уровень его мастерства. Символично также, что с автором нас связывают три святыни – Слово, Каменный Пояс Урала и Небо Севера. Мы оба – дети Урала и люди Севера.

Сегодня на Урал и на Север отправляется книга «Тридцать семь». Стихи в книге крепкие, сочные, созданные твёрдой авторской рукой. И это не удивительно. В художественной литературе Любовь Миляева – не новичок. Литературной общественности имя автора известно с середины 90-ых, и крупные поэты уже с тех пор наблюдают за творчеством Миляевой. Ещё в 1996 году её имя явилось одним из открытий Тюменского семинара молодых литераторов. Общеизвестно, что ещё в 2000 году на первом Всесибирском семинаре молодых литераторов «Сибирские Афины» в Томске звучало: «У нас были Цветаева и Ахматова, теперь у нас есть Миляева». Сегодня уже без сомнения некоторые стихи Любви Миляевой, такие как: «Только бы...», «Листопад», «Без

тебя», «Встречное движение», «Ты намного меня моложе», «Наверно, мы с тобой...», «Падёт осенняя листва...», «Я не щажу тебя»... – смело можно ставить в один ряд с лучшими образцами русской литературы, среди авторов-поэтов Цветаевой, Ахматовой...

Поэзия Миляевой чем-то напоминает мне поэзию конца 19 века. Но Миляева – это не Ахматова. Ахматова холодная. Я встречался с Ахматовой. Она великолепная поэтесса, но холодная, как человек, и стихи у неё холодные, сконструированные на холодной рифме. Цветаеву я люблю. Цветаева горячая, порой даже слишком горячая. А Миляева – женственная, и стихи у неё женственные, глубинные, с ярко выраженным собственным звучанием. Автор пишет в собственной манере, что не так часто встречается в литературе. Но это-то как раз и ценно. Именно о таких поэтах говорим – Поэт от Бога.

Мы скоро придём к пониманию того, что Поэзия – это настоящая живая религия, в которой заключена великая первоизданная Вселенская Сила. Но заключена эта Сила в настоящей, божественной Поэзии. Потому что именно в ней живёт и животворит Великий Дух, питающий как свежий хлеб, как чистый родник душу человека. Поэзия – это обнажённое Слово. Поэзия велика как Космос. Поэзия совершенна. – Во всей вселенной не существует выше гармонии! И настанет такое время, когда люди придут к Поэзии, как к религии. И я думаю, что это время уже началось – оно началось с поэзии Есенина.

Поэзия Любви Миляевой живая, откровенная. А какой ещё должна быть поэзия? – конечно откровенной, и только откровенной! Каждый живой мужчина способен почувствовать... – Какая страсть должна пылать в женщине! Какая любовь должна овладеть женщиной!

И какое достоинство должно быть в женщине! – чтобы родились такие удивительные, такие великие строки!

*Я не щажу тебя – люблю, не отпускаю.
Я всё тебе прощу. Прощаясь – прощаю.
Пока до капли «мой» – не разожму горсти.
Я у-тром от-пу-щу. Хотел лететь – лети.*

*Свободный ты теперь – чужой и безымянный.
И не открою дверь – прохожих сторонюсь.
Напрасно не стучи – не стану окаянной,
Отворожённая – уже во след не обернусь.
И ты в моих глазах уже не отразишься.
И шёпотом «ты мой» – слуха не коснись.
Теперь мне жаль тебя – ведь ты не возродишься
пламенем души –
я отболевшая проснусь.*

«Я не щажу тебя»

Стихи автора, порой, драматичны. Любовь, сомнения, глубокие душевные переживания – вписаны тонкой нитью в поэтическую ткань. Автор не идёт за внешними атрибутами – за формой, за рифмой. – Автор идёт за тем, что бьёт из сердца, из глубины, изнутри – именно за этим идут настоящие поэты. Автор идёт за чувством! за мыслью! за музыкой! Поэтому поэзия Любви Миляевой чувственная! Чувственная, как естественная природная женская сущность.

*И весеннее на асфальте солнце вычертит мой удел –
Я вернусь к тебе птицей раненой, сердце сбившая о предел.
«Ты намного меня моложе»*

Поэтессе удастся разрешение непростой задачи – заключить в одну фразу и движение, и психологическое состояние, максимально сконцентрировав её по точности и накалу.

*Это время, тонко и до жути членораздельно
Шагает-шагает-шагает...
«Время»*

В кругу поэтов-профессионалов хорошо известно, что техника поэтического слога, переходящая в звукопись может быть подвластна лишь руке больших мастеров. У Любови Миляевой нередко встречаются строки, написанные в данной технике.

*Перемешались шелесты, шорохи и голоса.
Перемещаются времени полосы и полюса...
«Листопад»*

К поэзии Миляевой нельзя подходить однобоко, применяя какие-либо косные, негибкие рамки. Необходимо понимать, что мы в данном случае имеем дело с явлением в современной художественной литературе. К подобного рода явлениям относился, наверное, Бродский, к такому роду явлений относился, пожалуй, Высоцкий. Безусловно, у всех этих людей совершенно разные направления в творчестве, но есть объединяющее – для людей такого плана любые рамки окажутся узкими, тес-

ными – они в них не впишутся... Любовь Миляева в некоторых произведениях, например, может сломать плавное течение стиха на середине строки, таким образом, затачивая слог – делает его острым, пронзительным. Так, что он, как тонкая игла, входит в самые глубинные пласты души.

Ветры в поле.

Русь, качаясь у столба,

Встала

Обнажённая как стих –

Мне под сердце болью острою вошла.

Будем, Ваня, запрягать вороных!

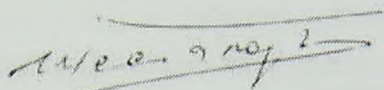
«Ветры в поле...»

Любовь Миляева обладает редкой способностью – у неё развито какое-то первозданное чувство слова – она интуитивно чувствует слово. Поэтому, именно на Миляеву пал выбор, когда речь зашла о составителе двухтомника «Антология литературы финно-угорских народов» – издания мирового значения.

Способность интуитивно чувствовать слово проявляется не только в её поэзии, но и прозе. В данной книге такая тенденция видна и в тех произведениях, где автор размышляет о времени, и в рассказе «Свобода Бакса». Умело, профессионально используя разговорную народную речь, в которой безошибочно угадывается урало-северный диалект, она показывает через образы деревенских персонажей судьбы поколений и судьбу страны. Автор подводит читателя к пониманию серьёзной современной проблемы, заключающейся в том, что на маленькие плечи хрупкой женщины, предназначенной небом быть заботливой нежной

матерью, быть любимой женщиной взваливается непосильная ноша – «расхлёбывать» результаты развала страны...

Я убеждён, что именно такого высокого качества художественной литературой необходимо наполнять сегодня и систему образования, и сеть библиотек, и существующий в стране книжный рынок. Уверен, что книге «Тридцать семь» предначертана долгая жизнь.

Юван Шесталов

*поэт, профессор кафедры ЮНЕСКО РГПУ им. Герцена;
профессор кафедры мансийской филологии ЮГУ;
Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького;
Лауреат международной премии им. Шолохова.*

**К ИНОМУ
ГОРИЗОНТУ...**

* * *

Идёшь
отдышаться где бы...
но решив: была не была! –
взлетишь
и вырастают в небо
окрепшие два крыла.

2008

Живём...

Живём
как умеем, каждого
лупит по голове –
судьба
ведь не мёдом – сажей
по носу и по щекам
мажет.

И сколько каждому
отмерено? – свой удел.

Плакала мама:

«Рано-рано, доченька,
волос твой поседел».

Живём
как умеем, каждому
судьба – то орлом, то решкой,
то самобранкой-скатертью,
то ветошною прорешкой.

Стоим
под небесной синью,
сподобленные жнивью.
Спасибо тебе, Всевышний,
За то, что ещё живу.

1997

Поезд

Скорым поездом мчится жизнь.
Светлое, тёмное – попеременно.
Но становишься с каждой вехой
Мягче и твёрже одновременно.

Платишь как лавочнику-еврею
За опыт – наивностью, юностью.
Светом в тоннеле мелькает время,
Взрываясь в вагонной людности.

Скорым поездом мчится жизнь.
И не знаешь, на какой станции
Надо будет тебе сойти
С багажом как со школьным ранцем.

1995

Веха (перен.) – важный момент, этап в развитии чего-нибудь.

При Тебе

Знакомые все при муже, при кухне, при суете.
А я почему-то, Господи, всегда остаюсь при Тебе.

То ли любишь Ты, то ли держишь, то ли мне не даёшь упасть? –
Опять отпускаю в прошлое отшумевшую мою страсть.

Мужья-не мужа, случайно зашедшие в мою жизнь,
И вроде, вполне приличные – грех жаловаться, кажись.

А я, чуть не задохнувшись в супружестве как в ярме –
Опять за Тобой, при слове, при крыльях и при суме.

2008

* * *

Поэзия как стихия,
Как ярь, забродив во мне,
Нешадно и неотвратно
Диктует в моей судьбе.
И прикипаю к Слову
Как олово к серебру,
Цепляясь к нему всей массой
Мышечной

как к ребру.

Но ударяет снова
По́ сердцу, словно хлыст,
Слово
Как боль – стихами
Кровью на чистый лист
Капает... и пронзает
Слово
Как ветра свист.
Что это?! – наказание?
Или благая весть?
Но резок и непреклонен,
Словно удар под дых –
Снова как плеть стегает
Душу нещадный стих.

Ярь – жизненная сила, положительная энергия /Словарь религиозных терминов;
Ярь (простореч.) – сокращение слова «ярость».

Словно раба хозяин
Слово ведёт к кресту,
Гонит,
Как непослушное
Дитяtko ко персту
Божьему...
Отче!...
Я снова дома!
Плачу и трепещу.
Словом Твоим ведомая
Слухом Тебя ищу.
Словом Твоим в растая
В небо из дел рутины,
Словно вставая заново
Как города с руин.
Отче!...
Я снова дома!
И на Твоих руках.
Словом – Ты мне соломку
Стелешь в крутых местах,
Чтобы не больно падать,
Чтоб не разбиться в прах,
Чтобы опять лелеять
Меня на Своих руках.
И никаких нет боле чище, вкуснее яств.
Слово, моей судьбою и кислородом
Став,
Снова во тьме диктует

Волю Твою душе.
И прирастаю снова
К Слову, теперь уже
Знаю –
Выведет – не отпустит,
Вытянет – не сорвусь,
К дому во тьме кромешной
Я всё равно вернусь.
Снова в Твои ладони
Как голубок уткнусь.
Свет – он бывает резок,
Если как луч – и пусть.
Слово теперь как воздух.
Знаю –
Тобой дышу.
Слово как светоч тянет
Меня к Твоему огню.
И прорастаю снова
Голосом на земле –
Слово Твоё сияет
Светом в кромешной мгле.

2008

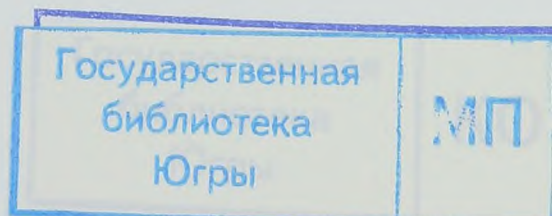
Только бы ...

Только б не стать угодником
ахов и вздохов внешних.
Это как в преисподней –
темень и стыд кромешный.

Только б не впасть в поэзию,
как в ремесло шаблонное.
Это как вместо хлебушка
листик жевать картонный.

Только б Твой голос тихий
не оставлял в пути.
Только бы Дух свободный
бился в моей груди.

1999

* * *

Когда к иному горизонту влечёт судьба,
Вдруг обрекается душа на покаянье.
Пожизненная тяжесть самой себя –
Теперь судилище и крест, и наказание.

1993

* * *

Ещё рассвет и далеко ещё до вечера.
Я знаю – встану, поднимусь, расправив плечи.
Я знаю, время – доктор, время лечит.
Ещё моих молитв не гаснут свечи.

Ещё рассвет и далеко ещё до вечера.
Мечта стремится к облакам упрямым кречетом.
И будут песни до утра, и будут встречи
Пока моих молитв не гаснут свечи.

1996

* * *

Ветры в поле.

Русь, качаясь у столба,
Встала
Обнажённая как стих –
Мне под сердце болью острою вошла.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Смотрит Кривда –
льстивым слогом губа –
Кушать манит
Хлеб да масло за двоих –
Мне за Богом по дороге прямой.
Будем, Ваня, запрягать вороных!

Чай, не мачеха –
родна матушка – Судьба.
Ветры воют
И страшат. – Тьфу – на них.
Мне по полю. Была не была!
А ну-ка, Ваня, запрягай вороных!

1991

В деревню

Городская заржавевшая душа,
Прокопчённым воздухом дыша –
Всё в деревню – к лесу, к травам, к тишине –
Тихо просится, чуть теплится во мне.
Что-то тоненькое тянется внутри
К русской печке, к маминой двери.

2005

Мамины глаза

Я видела, как оживают мамини глаза.
Теплеют. Осторожно. Настороженно.
В них столько лет застывшая слеза
Смотрела на меня встревоженно.
В них столько лет холодная тоска
До боли леденящая, глубокая –
Темнела, отрешённости близка...
Какою, мама, ты бывала синеокою!
Который год.
Который год.
Который год!
Ни радости, ни песни, ни мечты –
в них не жилось, не загоралось и не теплилось...
И, наконец! Ты захотела жить.
Сняла платок: «А кудри-то опепились».
И, наконец!
Так робко –
как дитя
Искра одна, другая... утром солнечным!
Вдруг захотела свежего ломтя
Пшеничного! на столик полдничный.
И голос звонче всё, капризней и родней.
Окошки настезь – прощай ненастье.
И в доме всё уютней, всё светлей –
Ты захотела жить – какое счастье!
И не беда, что косы не до плеч –

Морщинки прячутся, в глазах светлеет.
Ты захотела жить.
Ты захотела жить!
А прочее – значенья не имеет!

2006

Пробуждение

Весна вливалась в мир,
Словно в бокал вино,
Игривая, весёлая, шальная.
И верба тонкая в тени
Преобразилась, расправляя
Все свои веточки –
Ручонки тоненькие потянула,
Зевнула, вздрогнула, вздохнула
И пробудилась, вся в цвету,
Счастливой и благоуханной...

Раскрепощённо и легко
Весна вливалась в мир.

1994

Весна

Я проснулась. Брызжет солнце. Звонкой песней – день.
За окошком белым цветом вспыхнула сирень.
Я проснулась, распускаясь яблонькой в саду –
Белым цветом обновляясь каждую весну.

Жить охота! – Улыбнулся даже старый пень.
И с его макушки тает зимняя мигрень.
Жить охота! Со вселенной находясь в ладу,
Словно заново рождаюсь каждую весну.

2000

Так дышится!

Так дышится! Свободно и легко.
И ветерок руки касается тепло.
Вода в пруду – парное молоко.
На сердце солнечно – светло-светло.

Кругом цветы и сочная трава.
И мысли ясные и облака высоко.
Иду уверенно – ни ямочки, ни рва.
И подпирает горизонт дорога – далёко!

2002

**ВСТРЕЧНОЕ
ДВИЖЕНИЕ...**

Листопад

Перемешались шелесты, шорохи и голоса.
Перемещаются времени полосы и полюса.
Падают под ноги, мечутся в воздухе, в небо летят
Рыжие листья. Разбудораженный мир. – *Листопад!*

Небо в движении. Падают, падают сотни огней.
Кружит планету рыжее падево несколько дней.
Птицы встревожено мчатся и что-то горланят не в лад –
Не остановишь. Всё перепуталось. – Ах, *листопад!*

Перемешались шелесты, шорохи и голоса.
Перемещаются времени полосы и полюса.
Листья безудержно падают, падают, в небо летят...
Над головами влюблённых – зимой *листопад!*

2004

Без тебя

Без тебя столько дней... – не вижу.
Время кажется бесконечностью...
И мучительно ненавижу
Фальшь картинной своей беспечности.

От восторга – до отчаянья
Промежуток так мал, так короткий.
Было вечером восемнадцать,
А наутро неожиданно – сорок.

Без тебя, словно на распятии.
– Что ж вы, демоны?!
– Где ж вы, ангелы?!
За спиною всё та же пядь –
Кровоточит в руке Евангелие.

2008

Пядь – мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами. *Сколько бы человек не оглядывался назад – его жизнь за спиной оказывается всегда размером не более пяди, или двух пядей. Библейское*

* * *

Стала стылой ночь и как пропасть – день,
И как псиный лай – ветер.
И года, как мел, крошатся в руке.
Где же ты теперь?.. Где ты?!

Сколько можно зим всё тебя искать
В повороте плеч встречном?
И пытаться жизнь заново начать,
Но тонуть в пути млечном.

Сколько можно лет баловать молву –
Разве о любви тóлки?
Падала в рассвет – птицей в облака –
На твоих руках только.

Весь огромный мир без тебя застыл.
Дней уже прошло столько...
Мне на всей земле места больше нет.
Стало без тебя горько.

Видишь, не горит сердце без тебя,
Разве что дышу, вроде бы.
Осень на дворе. Лебеди летят,
Как и мы тогда – по небу.

2001

Печальное настроение

И вечер как вор
И лето бежит прочь
И кажется всё перепуталось день – ночь

И ночь за окном
И град о стекло бьёт
И кажется всё наперекосяк – никто не придёт

И не придёт
И не улыбнётся мне
И кажется всё не так – и осень в моём окне

И осень в окне
И ветер осенний скор
И кажется всё отшумело – и вечер залез как вор

1992

* * *

В моё неброское жильё,
в келью мою
Вошёл, вплетённый в тишину...
Молча стою.
Боюсь дыханием спугнуть
ангелов песнь.
Вошёл. И, значит, на земле
всё-таки есть
Любовь. Как облако, как пух –
ангелов рой.
И ты, вплетённый в тишину,
наверное, рай.
И что мне стены! И года
будто смелó.
Уже не важно, как тебя
сюда занесло.
В моё неброское жильё,
в келью мою
Вошёл – все волосы в снегу.
Молча стою.
Трепещет сердце голубком,
бьётся в груди.
Вся наша правда в двух словах:
– Здравствуй.
– Входи.

1998

Мы

На свете ты и я – неповторимы.
Как день сегодняшний. Как горная вода.
Мы оба – быстротечны и спонтанны,
похожие на белые фонтаны
подснежников,
пробившиеся сквозь снега.

Под небом ты и я – неповторимы.
Без рюшек, реверансов и заклёпок.
Мы оба – вольные явления в природе,
неудержимые,
как две свободных песни,
стремящихся под облака.

2008

Я не щажу тебя

романс

Я не щажу тебя – люблю, не отпускаю.
Я всё тебе прощу. Прощаясь – прощаю.
Пока до капли «мой» – не разожму горсти.
Я у-тром от-пу-щу. Хотел лететь – лети.

Свободный ты теперь – чужой и безымянный.
И не открою дверь – прохожих сторонюсь.
Напрасно не стучи – не стану окаянной,
Отворожѣнная – уже во след не обернусь.
И ты в моих глазах уже не отразишься.
И шёпотом «ты мой» – слуха не коснусь.
Теперь мне жаль тебя – ведь ты не возродишься
пламенем души –
я отболевшая проснусь.

2008

Окаянный (разг.) – беспутный, окаянный (книжн. устар.) – грешный.
Отворожѣнная (авт.) – антоним замороженная, приворожѣнная.

* * *

Десять раз уже ставила точку
и рубила на десять раз.
Мне казалось, теперь уже точно
не придёшь, не отыщешь лаз.
Мне казалось, теперь уж навечно
разошлись две дорожки врозь.
Ты обычный случайный встречный.
Как-нибудь без тебя, авось,
проживу,
не свернусь в улитку
и не выплакаю глаза.
Только слышу – скрипит калитка,
а наутро цветёт лоза,
так цветёт, что и мира мало –
солнце в окна со всех сторон.
И живу опять, как попало,
перекаркивая ворон.
И хожу опять всех счастливей –
Небо светится под ногой.
Вроде каменно ставила точку –
Ты сваял её запятой.

2008

Выплакать глаза (разг.) – все глаза выплакать – в горести плакать долго, много.

Конечно

Ты был не первый. –
Но первый!
Как резкое слово весь,
До неприличья стервный,
Кровей отборная смесь.

Весь вывернут наизнанку,
До солнца – рукой подать,
Ворвавшийся спозаранку
Как смерч или благодать.

Легко спутав в узел нервы,
Мои и свои – в один,
Бросал на алтарь Минервы,
Как жертву за всех мужчин –

Себя. И в порыве ярком –
Себя. И в просвете дня
Рождалась любовь, как Ева
Из жертвенного огня

Сияющим чистым светом,
Во власти... шагнув извне.
И пропадало в бездну
Всё грешное – как во сне.

Конечно, ты не был первым,
Но первою из причин –
Признаний – как злость – в верности
Первому из мужчин.

2008

Не молчи

Я отдала тебя прошлому.

– Забирай!

Как листья летят осенние поезда.

Ты всё шептал чуть слышно, что видел рай,

Но встали стеною каменной города.

Ночью звонок отчаянный – Не молчи! –

Голос пронзал сквозь мили – Знаю, ждёшь.

Гудят провода, ответом – гудки-гудки.

Последние листья с деревьев косит дождь.

Быстро доходят скорые поезда.

Снова твой голос в трубке – Не молчи!

Отче, прости, Всевышний – рублю с плеча.

Ты слышишь? – его шаги... но я теряю

ключи.

2008

Две правды
(переживания родного брата Толика)

Правда была одна – стало две их.
Каждая права из обеих.
Каждая при себе – при коленях.
Словно огонь мечусь на поленьях.

Каждая, как рассвет, будит душу,
Манит к себе теплом в злую стужу,
Бьётся живой струной, режет сердце,
Раною болит, жжёт, как перцем.

Билась любовь одна – стало две их.
Каждая горяча из обеих.
Как же теперь прожить, разорвавшись
надвое – как по шву распластавшись?

2008

Расставание

Обречённые, ненарядные,
Туго стянутые в кольцо.
Ситуацией неприглядною
открыв лицо.

Солнце всходит. Уже неважно,
Что за сплетню там сложит люд.
Если к мужу любовь не греет,
То замужество – тот же блуд.

Содрогнулся хребет Урала:
А кто безгрешный? Кто без греха?
Да, красиво гармонь играла,
Но порвались меха.
Так случилось.
Прими, как данность.
Ну, прощай же, меня прости...
Ты не слабый – переболеешь,
Шаг за шагом, горсть к горсти.

И в глазах твоих бабок-тёток
Я стою – как слепой палач,
Безрассудно в руках ломая
Семью́ как сухой калач.

Только, милый, они – не Всевышний,
Им судачить, но не судить.

И не ты для меня стал лишним,
Просто холодно стало жить,

Просто утренней зимней ранью
Слишком сильно метель мела.
Нас такой повернуло гранью,
Которая не подошла,
Не вошла,
Не легла друг в друга
Половинкой –
Зубец к зубцу.
И отрезало что-то в сердце,
Уподобившись резцу.

А я женщина – и не более.
Я не в силах мужчин лепить.
Мне одно дано Божьей волей –
Любить

Не прощая и не жалея,
Не на игрищах – напоказ,
Но от дыхания пламенея
И сгорая в который раз.

А если пламени в сердце нету –
Не согреться уже в судьбе.
Можно лгать всему белу свету,
Но себе-то как? Как себе?!

2007

* * *

Падёт осенняя листва
 под ноги золотом.
Прощаюсь с юностью шальной,
 как странник с городом.
Опять звонят колокола
 по разлучению.
Падёт осенняя листва
 разоблачением
надежд. И правда наготой
 едва ль обрадует.
И лишь кружение листвы
 душе отрадою.

1991

* * *

Наверно, мы с тобой – так странно
И так нелепо – разошлись.
Но что-то в сердце неустанно
Твердит – у вас ещё вся жизнь...

И так ли трепетно, несмело
Я, как на крыльях, над землёй
К тебе, забыв про всё, летела.
И птицы все наперебой

Кричали, звонко пели – лето!
Рука в руке, душа в душе.
Теперь зима... и вьюга где-то
Вовсю хозяйствует уже.

И я молчу – молчаньем лунным,
И ты, как вечер – тоже тих.
Но звуками гитары струнной
Любви случайной полон стих.

Пожалуй, нам с тобой – так странно
И так нелепо – суждено
Одно как жизнь – большое небо
И покаяние – одно.

2008

Встречное движение

Коршуны да ястребы
 близ крон
А по зимним улочкам
 звон-звон
Встречное движение
 всех снов
Накрепко – скрещение
 основ

Стало ночи мало
 звездь счесть
Чувствую спиною –
 ты здесь
Всё перемешалось
 вздых-стон
Силой поражённая –
 кто он?

Мёрзлое крошево
 лет-лет
Замело порошей
 ответ
Осенью под небом
 потом
Журавли не клином –
 крестом

Встречное движение —
 вновь ты
За гранью на грани
 мечты
Коршуны да ястребы
 близ крон
А по зимним улочкам
 звон-звон

2003

Ты намного меня моложе

Ты намного меня моложе.

Мне с тобою, как у печи.

Только третий – матёрый тоже крепко держит в своей ночи́.

Так спокойно с тобой, уютно – век бы плакаться да скулить.

Но то ли мне в этой томи мутно,

то ли росы привыкла пить.

Ты моя золотая отдушина,

но под вечер уйду к тому,

кто занозой вонзился в душу,

грешным яблоком влез в котму,

чтобы утром прохладным ранним

отогреться в твоих руках,

чтобы птицу свою раненую,

заблудившуюся впотьмах,

излечил,

обшептал,

обнежил

как никто ещё, как никто –

и в губах каждый пальчик тешил,

чтобы стало легко-легко.

И чего я тебя не слушаю несознательной головой?.. –

Вредный, горький – глухим удушьем

перечёркивает покой.

И опять

как хмельная,
снова
чуть дышу – а земля бела...
И мечусь к одному – к другому
от заката и до светла́.
Небо звонко как красный бубен.
Гриву вспенив, несёт судьба.
И не видно спокойных будней.
А луна-то как высока!

Ты намного меня моложе.
Мне с тобою, как у печи.
Ты хороший, ты очень хороший,
Что хоть плачь, хоть всюю кричи.
И весеннее на асфальте солнце вычертит мой удел –
Я вернусь к тебе птицей раненой, сердце сбившая о предел.

2008

Котма – котомка, торба, таска, сумка.

* * *

Что ж такое происходит-то? –
Всё красивым стало враз.
И зимой снежинки тёплыми
Хлопьями летят на нас.

Что ж такое происходит-то?
Я как будто не своя.
И у кедров удивительно
Золотистая хвоя.

Что ж такое происходит-то?
В зимнем парке тишина
Стала вдруг такую звонкою
И пронзительной она.

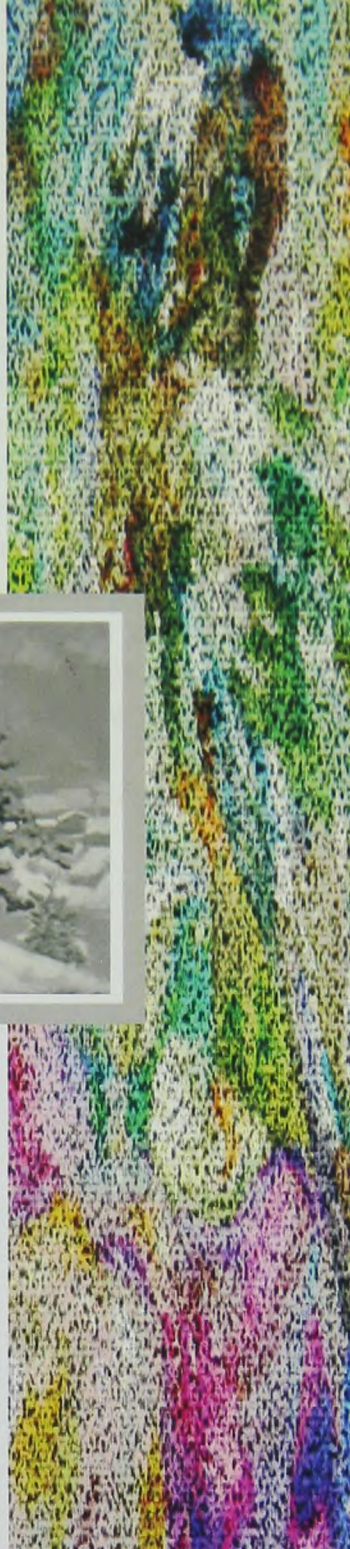
Что ж такое происходит-то?!
Сердце бьётся тук-тук-тук.
Это видимо нечаянно
Так любовь приходит вдруг.

Ой, что ж такое происходит-то? –
И то в холод, и то в жар...
И вокруг любви вращается
Весь земной огромный шар.

2008

ВРЕМЯ...

Время

Пусто-пусто... Какая-то густая тишина.
Только беспощадное тиканье –
Это время, тонко и до жути членораздельно
Шагает-шагает-шагает...
Неумолимо сворачивая каждый мой нерв в пружину.

1989

* * *

Жизнь сжимается подобно шагреневой коже.
Так отчётливо вижу её края.
Словно животное перед смертью я стараюсь изо всех сил сделать глубокий вдох, чтобы вжать в себя всё.
Вдохнуть в себя всю вселенную.
Так объектив фотоаппарата хватает момент, запечатлевая.
И подобно кувшину, из которого наливают вино, пытаюсь выплеснуть в новый день, как в чашу, всё содержание своё, чтобы *предстать перед Лице Твоё* кувшином чистым и удовлетворённым. Без капель застоявшейся жидкости внутри.
Чтобы снова делать глубокий вдох, вбирая в себя вселенную.

1990

Диалог

Крутой берег. Костёр. Звёздное небо. Сидит седой человек, что-то пишет пером на листках бумаги. Подходит юноша, только что нашедший белое птичье перо.

– Зачем пишет человек?

– Чтобы не плакать. Иногда мир вдруг становится угловатым, пытаюсь каждым углом вдавить тебя куда-то, то с одной стороны, то с другой. А потом он становится квадратным, как пустая коробка из-под телевизора. А в этой коробке ты – пылинка и глухое одиночество, которое вжимает в себя. Всасывает. Тянет и точит. Оно глухо. И глаза твои, привыкшие к одиночеству как к темноте, вдруг начинают отчётливо видеть грань – тонкую и острую, подобную острию битвы – грань отчаяния. В этот момент тянет к слову, как к спасительной соломинке. Вытянет, быть может. Проведёт по грани. Не даст рухнуть в отчаянье как в пропасть.

И смотришь – а ты не плакал – выжил сегодня, держась за Слово.

Тридцать лет спустя

Крутой берег. Костёр. Звёздное небо. Сидит человек с проседью в волосах, что-то пишет пером на листках бумаги. Подходит юница.

– Зачем человек пишет?

– Спрашивают ли, зачем человек любит?

– Любится, наверное... переполняет его... Смотри, лебеди летят – ночью!

– Это не лебеди – это ангелы. Они летят, летят, летят – и мир становится чище. Видишь, от их крыл исходит свет – это свет любви. Очищающий свет любви. Они летят... и влюбляется человек, и переполняет человека

странное чувство, и человек пишет, пишет, пишет сам не понимая зачем... не может выпустить из своих пальцев перо от которого исходит удивительный чистый свет...

Ангелы улетали, удаляясь в ночное небо, становясь меньше, меньше, меньше, потом совсем точкой.

И только перо медленно-медленно опускалось на землю...

1987

Ещё двадцать лет спустя

Зачем

Зачем пишу? – затем, что не молчит,
Когда луна, как одинокая волчица,
Висматривая ночь – находит дичь,
Нисходит муза, как на голову кирпич.

Рука к бумаге мается-влачится,
Душа поёт, стремясь разоблачиться,
И всюду слышно не то шорох, не то речь –
И фактом этим невозможно пренебречь.

Луна глядит в окошко, как волчица.
Опять пишу–крапаю –
не молчит.

2007

После дождя

Летний тёплый дождь умыл город, оставив после себя лужицы на асфальте. И по улицам, опустевшим во время дождя, вновь засустились горожане.

Во двор из подъезда девятиэтажного дома выбежала девочка лет шести в цветастом ситцевом платье. Добежав до ближайшей лужицы, она быстрёхонько скинула свои сандалии и уверенно пошлёпала по воде. Остановившись и посмотрев себе под ноги, она удивилась, увидев, что шлёпает босяком прямо по небу.

Небо вздрагивает и расходится кругами. Завизжав от восторга, девочка подхватила ручонками подол платья, присела пружинисто, подпрыгнула и ...

Прохожие подумали, чей-то ребёнок падает в лужу...

Но она знала, что летит в небо.

1988

Свобода Бакса

– Батя, глянь-ка, вон язык на бок, шерсть дыбом, полетел так, аж хвост по ветру – неторопливо снимая запylённые калоши, пробасил Митяй.

Деревенские парни ещё в восьмом классе прозвали его бугаем – прозвище прицепилось намертво. Теперь даже сельский голова, завидев Дмитрия Степановича, спешит ударить слегка ему в живот кулаком и, прищулив щучьи глаза, восклицает: «Здорово, Бугай! Ну, что-о-о? – с ехидцей потягивая каждое слово, интересуется – Как там жизнь городская? В гости, поди-кась опять прибыл? К нам-то вертаться не надумал?»

Отец Митяя, не обделённый от природы здоровьем, но заметно осунувшийся в последние три года, и тот давно обращается к сыну, не иначе, как Детина. Только для матери, Софьи Николаевны имя сына всегда остаётся неизменно – Митюша, да Митенька.

– Какой уж он теперь Митю-ю-ю-ша! – подтрунивал Степан Никифорович, ласково глядя на плачущую от радости жену, кинувшуюся прямо с пожелтевшим подойником в руке, обнимать сына, вогнавшего белое морозное облако январского воздуха в открытую деревянную дверь, обитую с внешней, как говорил отец, «сеношной» стороны избы плотным слоем темно-серого войлока. – Это, мать – продолжал он, приосанившись – теперь не Митю-ю-ю-ша. Во-о-он уж под пуп твоя слезливая голова ему упёрлась. Он у нас теперь герой. – И, широко раскрыв руки, словно показывая, что всем сердцем отцовским готов заключить сына в объятия, обратился к Митяю – Заходи в дом, Детинушка! Смотри только потолок своими кучерями не ошкрябай – кучерями потом ещё месяца два называл он Митькины коротко остриженные тёмного цвета волосы, с проседью от афганских армейских будней.

– Смотри-ка! – восторгался Митяй, прижав рукой край ситцевой, снизу отороченной шитьём, занавески и, уткнувшись носом в стекло, так что на нём в июньский день образовалось матовое влажное озерцо от густого дыхания. – Дорвался до свободы! Лапы кверху. На спине, на спине шпарит по двору!

Дмитрий, приезжая к родителям, часами мог возиться с этим длинношёрстым псом неизвестной породы. Митька проникся к нему какой-то удивительной нежностью с того момента как уместающимся на ладони щенком отец принёс его в дом, так толком и не объяснив где взял. «Вот, мать, подарила нам с тобой дорога на старости лет Цуцика!» – проговорил он, мягким голосом, улыбаясь глазами и осторожно открывая верхний уголок какого-то выцветшего махрового полотенца, обёрнутого вокруг щенка в подобие одеяльца на грудном ребёнке.

Но Цуциком щенок был не долго. В процессе возрастания он стал – Бакс. Существовал, правда ещё промежуточный вариант – через полтора месяца Софья Николаевна окрестила его «Пятачком», за привычку морщить нос, облизываясь после почмокивающего и пофыркивающего поглощения очередного собачьего обеда из алюминиевой, слегка помятой с боков миски. Но уже на четвёртом месяце жизни Бакс обрёл своё законно-оправданное голосом и поведением имя.

– Ух, шельмец! – не унимался Дмитрий – Всю пылищу сейчас на свою шкуру сгребёт. А морда-то довольнёхонькая!

Отец, не отрываясь от своего занятия, исподлобья глянул в окно, и принялся дальше скручивать потемневшими и неровными от мозолей пальцами, свою самокрутку. Страсть к самокрутке осталась у Степана Никифоровича с фронтовых лет. Никаких папирос и тем более сигарет он не признавал. И самокрутку крутил, что называется с чувством, с толком... Оторвёт сначала аккуратно небольшой кусочек газетки, прич-

мокивая согнёт пальцами, так, чтобы получилась канавка. Держа одной рукой газетный обрывок – другой из брезентового мешочка возьмёт щепоть табака и, старательно распределив по всей газетной ложбинке, осторожно начинает скручивать. Осмотрит внимательно, на минутку задумается, будто вспоминает чего и, вздохнув, проведя свободным краем газетки по нижней губе, начинает какими-то загадочными движениями пальцев проходить по всей этой конструкции от одного конца к другому. Потом вдруг резкими движениями сломав сантиметра три с одного конца гармошкой, оторвёт самый краешек и, оглядев ещё раз, словно любуясь на своё создание, прикусывает губами свёрнутый гармошкой край самокрутки, непременно в правом углу рта. Приосанится и подкуривает. Обязательно от спички. Современных зажигалок отец тоже не признавал. «Эти шмыгалки – говорил он о зажигалке, – не огонь для души, а изжога для пальцев».

– Сорвался, мордоворот! – охнула Софья Николаевна, глядя в окно и торопливо вытирая руки о тёмно-синий с мелкими белыми цветами фартук. Ловко подоткнув один угол фартука за пояс, строго обратилась к сыну: «Это ты что ли, Митенька, отпустил его? Чего удумал? Я ведь утром ещё предупредила – проволоку натяни меж столбиками, где бельё сушим и на длинный поводок его, пусть пообвыкнет недельку. А ты вон чего выдумал – спустил! Его же теперь сутки домой не изловишь.

Она быстрым, полным обиды взглядом окинула Степана Никифоровича, корпящим над самокруткой, и бросив: «Ты, поди, отец, позволил!» – ворча что-то ещё себе под нос, но при этом, приподняв кверху подбородок, словно демонстрируя, что обиделась теперь не на шутку, спешно вышла в сени. Забренчав там ведрами, банками...

– Обиделась мать – словно извиняясь, пробурчал Степан Никифорович, на секунду оторвавшись от своего занятия.

– Ба-а-тя! Да чего уж она? – не переставая восхищённо наблюдать в окно за Баксом, успокоил отца Митяй – Ну, побегает, порезвится. Тоже не сладко же псу – всю весну почти на короткой привязи просидел.

Тут заёрзав на табуретке, приготовился вступить в разговор Валентиныч, внимательно наблюдавший за Баксом, сидя на табурете за столом и пивший свежесваренный смородиновый чай. Громко отхлебнув, он поставил фарфоровую кружку на стол, сделанный Степаном Никифоровичем собственноручно. Столешница, вытесанная в круг из двух широких сосновых досок, располагалась на трёх резных ножках.

Продолжая смотреть в окно на пса, уже оголтело помчавшегося по дороге, в сторону окраины деревни, Валентиныч со вздохом произнёс:

– Вон, мы тоже дорвались до свободы не хуже Бакса. Досиделись на цепи, а тут – нате! – Валентиныч, забыв о чае, придавив ладонью край стола, продолжил – Привалила горбатая перестройка, как счастье, будь она неладна. Дорвались!

Валентиныч за два года работы Митяя машинистом тепловоза, стал в этой семье своим. «Напарник, как брат родной – обнимая за плечо низкорослого, но коренастого сорокадвухлетнего Игоря Валентиновича, как сапогами по плацу чеканя каждое слово, говорил Дмитрий, представляя гостя отцу с матерью. – Я без его плеча рядом, и на километр не приближусь к этой длиннохвостой агригатине на рельсах». Рано потерявший родных, вскормленный в одесских детдомах, Валентиныч, казалось, каждым уголочком своей души привязался к Митькиным родителям как к родным, называя Софью Николаевну не иначе как мамушка Софа.

– Для русского мужика свобода – одно что пьянка, – продолжил Валентиныч свою мысль, понижая голос. – А мы ведь в полмеры-то не

умеет. В пол-хлёста что за гульба – нам же на выхлест чёшется. Обязательно надо чтоб продрало до самых поджилок печёночных. Аж в дугу чтоб скрутило – тогда хорошо-о-о!

– А чем, тебе, брат, свобода-то не угодила? – облокотившись на подоконник, выкрашенный месяц назад молочного цвета краской, удивился Митяй. – По-моему намного лучше, чем при пустых совдеповских витринах да идейной диктатуре эсеса в кепи – кэпээсеса.

– Много вы понимаете, головы зелепушные, – авторитетно заговорил Степан Никифорович, затягиваясь. – Свобода – она ж как баба. В неё войдёшь – и всё... Хошь-не хошь, а живи теперь с ею. И сноровись только против шёрстки вздыбить, попробуй чего поперёк вякнуть – что есть под рукой, то и по лбу. Так по плечи хрястнет – не дай боже!. Со свободой с вашей аккуратно надо, как с бабой. Тут особый подход нужен. Ты думаешь, под себя её, а не тут-то было. Взбалмошная она больно. Что на ум ейный взбредёт – всё. Упрётся как рогом в землю. Ты ей и так, мол, и сяк. А всё без толку. Жить не даст. Изведёт. А своего всё одно – выканючит. Пораскинешь потом извилиной – чего упирался? Одни убытки: сервизу тёткой ещё дарёного нету – вдребезги ухнула; брюк моих нету – случайно прожгла, невинная отрывка, всю штанину; у меня вон – думаешь, плешь эта откуда взялась? – он, наклонил голову, постукивая указательным пальцем по неровной округлости лысины, размером с маленькое кофейное блюдце – от годов, думаешь, или от ума? – Нет, дорогой – от дури! Пытался с ейным характером, как со свободой твоей, справиться. Думал что вы... – хотел что-то продолжить Степан Никифорович, но оборвав свои рассуждения на полуслове, забыв про самокрутку, вмиг ссутулившись, уставился на шумно открывшуюся дверь.

На пороге стояла его жена. Платок сбит набок. Волосы всегда гладко уложенные, странно топорщились.

– Всех курей у соседей подавил. Вот! – громко сказала она и подняла на вытянутой руке курицу, негодную уже ни для жизни, ни для супа. Я же сказала, нельзя его сразу-то выпускать! – губы Софьи Николаевны задрожали. – Пусть недельку на длинном поводке побегает, привыкнет. Теперь что соседям объяснять?! Нечо сказать – наро-о-били! – она опустилась на порог, плечики её и без того худенькие сжались, став как-то ещё меньше, задрожали и, не сдерживая слёз, обречённо и с горьким укором выдавила – А расхлёбывать теперь кому? Опять мне?!

1997

СЛОВАРЬ

Словарь

Принятые сокращения источников

БЭС – Большой Энциклопедический словарь/ М.: Большая Рос. Энциклопедия, Спб.: Нифинт, 2000.

Словарь Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: А\О Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Словарь Ефремовой – Толковый словарь русского языка/ Под ред. Т.Ф. Ефремовой – М.: Рус. яз., 1986.

Словарь Ожегова – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1973 – 846с.

Словообразовательный словарь – Словообразовательный словарь русского языка/ автор-сост. А.В. Семёнов – М.: ЮНВЕС, 2002 – 703с.

Словарь Ушакова – Словарь русского языка в 4-х томах/ Под ред. Д.Н. Ушакова – М.: «Сов. энциклопедия», 1935.

Словарь Фасмера – Фасмер М. Этимологический словарь в 3-х томах. – М.: «Прогресс», 1971.

В

Веха – *«Так и становишься с каждой вехой/ Мягче и твёрже одновременно» (стр. 12)*

Веха – перен., обычно мн. Важный момент, этап в развитии чего-н. Основные вехи русской истории. / *Словарь Ожегова*

Веха – обвешать (от веха), обвешить дорогу, обставлять вехами, вешками, кольями, хворостинами, что делается зимним путем, по безлесным местам. -ся, быть обвешасму; || обвешить себя, обставиться вешками или отмежеваться знаками от соседей./ *Словарь Даля*

Выплакать глаза – *«...проживу/не свернусь в улитку/и не выплакаю глаза.» (стр. 35)*

Выплакать глаза, повредить глаза плачем; *плакать долго, много. Выплакал я кари очи за четыре ночи. / *Словарь Даля*

Выплакать, -ачу, -ачешь; -анный; сов., что. 1. Излить в слезах. В, свое горе. 2. Вымолить плачем (разг.). В. себе прощение. - (Все) глаза выплакать – в горести плакать долго, много. || несов. выплакивать, -аю, -асшь. / *Словарь Ожегова*

Г

Горланить – «Птицы встревожено мчатся, и что-то горланят не в лад...» (стр. 28)

Горланить – кричать, шуметь.

Горланить – «горлан, крикун, зубоскал, хохотун, шумный человек». Произошло это имя от глагола «галанить» – «горланить, кричать, шуметь» / *Словарь Даля*

Ж

Жнивье – «Стоим/под небесной синью,/сподобленные жнивью.» (стр. 11)

Жнивье, стерня, нижняя часть стеблей зерновых культур, оставшаяся на корню после уборки урожая. /БЭС

Стернь и стерня ж. южн. живо, жнивье, жнище, жнивище, сжатое поле, и | самые остатки соломы на корню, комли, пенечки, стебло, жнитва, жнитвина, жнивник, жневник (немецк. Stoppel). / *Словарь Даля*

К

Калитка – «Только слышу – скрипит калитка...» (стр. 35)

Калитка, калитки, ж. Небольшая дверь в заборе. Калитка в сад. / *Словарь Ушакова*

Келья – «В моё неброское жильё,/в келью мою...» (стр.32)

Келья (перен.) – уединенное и скромное жилище.

Келья – (греч. kellion - от лат. cella – комнатка), отдельная жилая комната монаха. /БЭС

Келья –, -и, род. мн. -лий, ж. 1. Отдельная комната монаха, монахини в монастыре. Монашеская к. 2. перен. Уединенное и скромное жилище, комната (устар.). / *Словарь Ожегова*.

Котма – «...грешным яблоком влез в котму» (стр. 46)

Котма – котомка, торба, таска, сумка.

Котма – котомка, котомка, кошёлка, котуль, котыль, хотуль, хатуль, хотомка – «торба, таска, сумка» (псков., тверск., смол., олонец.). Кошёлка – «корзинка» (рус.), košulja – «корзина» (словен.). Котомка, котомка (Сумароков и др.), котма – то же, олонецк. (Кулик.), хотомка, тверск., котуль, котыль, хотуля, псковск., тверск., хатуль – то же, смол. Трудное слово. По мнению Соболевского (РФВ 70, 82), от катать. Ввиду словообразовательных особенностей вряд ли заимств. из фин. kontti, род. п. kontin «корзина из бересты, которую носят на спине», эст. kott, род. п. koti «мешок, кошелек» (Калима 132 и сл.) или из чагат. kat «футляр» (Маценауэр, LF 8, 208). / *Словарь Фасмера*

М

Минерва – «Бросал на алтарь Минервы...» (стр. 36)

Минерва – в римской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусств. Вместе с Юпитером и Юноной Минерва составляла Капитолийскую триаду. С конца 3 в. до н. э. Минерва, отождествленная с греческой Афиной, почиталась также как богиня войны и государственной мудрости.

Минерва – богиня войны, художеств, наук и премудрости – изображается вооруженною с главы до ног, с копьем и щитом в руках. Иногда пред нею лежат разные орудия, до наук и искусств принадлежащая; иногда на ее шлеме или подле нее находится сова или змия – оба символа мудрости; ибо первая ясно видит и во время ночной темноты, а вторая умеет искусно прятать голову всем своим телом; иногда под копьем у нее лежит дракон; иногда в епанче и в шлеме с перьями представляется сидящею, положи одну ногу на другую, и поддерживая правую рукою наклоненную главу./ *Словарь терминов Фэн-Шуй, Символика терминов и геральдики*

Молва – «Сколько можно лет баловать молву –/Разве о любви толки?» (стр. 30)

He, rumor – это есть «молва», то бишь, сплетня / *Англо-русский словарь*

Молва, молвы, мн. нет, ж. (устар.). 1. Слухи, вести, толки в обществе о чем-н. Грех не беда, молва не хороша. Грибоедов. Людская молва – что морская волна. Пословица. 2. Мнение общества о чем-н., общественная оценка чего-н. Дурная молва о ком-н. / *Словарь Ушакова*

О

Окаянная – «Не стану окаянной» (стр. 34)

Окаянный (разг.) – беспутный, окаянный (книжн. устар.) – грешный.

Окаянный – окаянная, окаянное. Грешный, (книжн. устар.). Без малого целый год глаз не кажет, окаянный. Мельников-Печерский. Погрешила на вас, окаянная, простите великодушно. / *Словарь Ушакова*

Отворожённй – «Отворожённая – уже во след не обернись» (стр. 34)

Отворожённая (авт.) – антоним замороженная, приворожённая.

Отвораживать 2. отворожить кого, исцелить ворожбою, отучать от чего заговорами, чарами. быть отворожону; | насилу отворожился от напасти! отделался. Отвораживанье длит. отвороженье окончат. отворожка ж. об. действ. по знач. глаг. Отворожная болезнь, которую можно отворожить./ *Словарь Даля*

Отвораживать – несов. перех. Ворожкой освобождать – по суеверным представлениям – кого-л. от действия чар, колдовства, избавлять от чего-л. опасного, неприятного./ *Словарь Ефремовой*

П

Падево – «Кружит планету рыжее падево несколько дней» (стр. 28)

Падево – сущ., образованное от глаг. падать. Снежное падево. Падево листьев.

Пядь – «За спиною всё та же пядь...» (стр. 29)

Пядь – Старинная русская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами/ *Словарь Ожегова*

Пядь – древнерусская мера длины. 1 пядь = 4 вершкам = 1 четверти, обычно 1 пядь = 17,78 см. Первоначально равнялась расстоянию между концами растянутых пальцев руки (большого и указательного). /БЭС

Пядь -, -и, мн. -и, -ей и -ей, ж. Старинная русская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами. * Ни пяди (не отдать, не уступить) – даже самой малой части./ *Словарь Ожегова*

Сколько бы человек не оглядывался назад – его жизнь за спиной оказывается всегда размером не более пяди, или двух пядей. *Библейское*

С

Стервный – «...до неприличья стервный» (стр. 36)

Стервный (перен.) – стервозный, хищный.

Стервных (плотоядных) зверей почитали за стремство (хищность)./ <http://www.apus.ru/site.xp/> Бестиарий Филина – 500 лет тому назад

Ш

Шальной – «Прощаюсь с юностью шальной,/как странник с городом». (стр. 42)

Шальной (разг.) – безрассудный, взбалмошный, безудержный.

Шальной, -ая, -ое (разг.). То же, что шальный. Ш. поступок. Ш. взгляд. Ш. пуля (выпущенная наугад или случайно попавшая в кого-н.). / *Словарь Ожегова*

Шальной, шальная, шальное. – Лишенный рассудительности, крайне взбалмошный (разг.). Безудержный, крайний в своем проявлении Шальной человек. Шальные поступки. / *Словарь Ушакова*

Я

Ярмо – «А я чуть не задохнувшись в супружестве, как в ярме» (стр. 13)

Ярмо – бремя, тяжесть, иго.

Ярмо – ярма, мн. ярма, ср. 1. Деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота. Волы под ярмом. 2. перен., только ед. Бремя, тяжесть, иго (·книж.). «Стряхнуть ярмо тяжелого гнетущего труда.» Некрасов. «Ярмо забот сложить когда-нибудь.» Баратынский. «...Он (советский рабочий) не страдает у нас от безработицы, он свободен от ярма капитализма, он больше не раб, а хозяин своего дела.» Сталин. / *Словарь Ушакова*

Ярмо – а, мн. ярма, ярм, ярмам и ярмам, ср. 1. Деревянный хомут для рабочего рогатого скота. Воловье я. 2. перен. Бремя, тяжесть, иго (высок.). Ярмо самодержавия. Ярмо колониализма, и прил. ярменный, -ая, -ое (к 1 знач.). / *Словарь Ожегова*

Ярь – «Поэзия как стихия./Как ярь, забродив во мне...» (стр. 14)

Ярь – Жизненная сила, положительная энергия /*Словарь религиозных терминов*

Ярь – весенняя, плодородная земля; плоть в состоянии желания, страстного мечтания, томления; житнетворительный сок, зачинательное семя. В существующих словарях «ярь» определяется как «областное» слово со значением «яровой хлеб», «яровое», все посеянное весною; а также просторечное сокращение слова «ярость». У В.И. Даля одно из значений слова «ярь» – тук, сок, растительная сила почвы... /У кого во плоти бушует весна, тот знает, что земля и плоть – ярь севная – слеплены из одной первозданной глины./ «Надо же, как ярь в тебе забродила!.. Смотри, не выплесни ее куда попало, найди такое лоно, которое тебе же твой плод принесет, выкормит, вырастит»./ «Лидии казалось, что она не может совладать со своими желаниями, со всей этой ярью, которая истосковалась по ливням, хочет наконец заколоситься, взойти прямыми упругими побегамми...»

Содержание

Ю. Шесталов. Дочь Урала и человек Севера.....	3
---	---

К иному горизонту...

Идешь.....	10
Живём... ..	11
Поезд.....	12
При Тебе	13
«Поэзия как стихия...».....	14
Только бы.....	17
«Когда к иному горизонту...».....	18
«Ещё рассвет и далеко ещё до вечера...».....	19
«Ветры в поле...».....	20
В деревню	21
Мамины глаза.....	22
Пробуждение.....	24
Весна.....	25
Так дышится!	26

Встречное движение

Листопад.....	28
Без тебя	29
Стала стылой ночь... ..	30
Печальное настроение.....	31
В моё неброское жильё	32
Мы.....	33
Я не щажу тебя (романс).....	34
«Десять раз уже ставила точку...»	35
Конечно.....	36
Не молчи.....	38
Две правды	39
Расставание	40
«Падёт осенняя листва...»	42
«Наверно, мы с тобой...»	43
Встречное движение.....	44
Ты намного меня моложе	46
«Что ж такое происходит-то?...».....	48

Время

Время	50
«Жизнь сжимается...»	51
Диалог	52
Зачем	53
После дождя	54
Свобода Бакса	55

<i>Словарь</i>	62
-----------------------------	----

Книга издана за счет средств автора

Любовь Миляева
ТРИДЦАТЬ СЕМЬ

Редакторы

Вера Миляева

Вадим Орлов

Художник

Вера Миляева

Фотограф

Олег Холодилов

Вёрстка

Елена Захарова

Компьютерный дизайн

Любовь Миляева

Рукопись подготовлена к изданию 07.07.08

Подписано в печать 06.04.2010. Заказ 401. Формат 14х16,5. 3,5 усл. п.л.

Гарнитура «Times New Roman». Печать цифровая.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано ОАО «Информационно-издательский центр».

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области

628006, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 5,. Тел. 33-35-52, 32-15-81.

ИНН 8601024498

006412012

Государственная библиотека Югры

ЛЮБОВЬ

МИЛЯЕВА